УДК 82.0
ББК 83:3

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЗАБЫТЫХ ИМЕН: БОРИС ЛАЗАРЕВСКИЙ И «ЧЕХОВСКАЯ ШКОЛА»*

А. А. Фокин, Н. М. Малахова

Имя Бориса Александровича Лазаревского (1871–1936) — писателя-лирика, яркого представителя «чеховской школы», эмигранта первой волны — долгие годы находилось в забвении. Да и сегодня интерес к нему историков литературы связан с «открытием» дневников писателя, которые стали новым достоверным источником биографических фактов и свидетельств о жизни и творчестве Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, И. Д. Сургучева и других писателей [Шумихин 2001; Михайлова 2006]. По мнению некоторых ученых, эта, еще не опубликованная, часть наследия Б. Лазаревского является едва ли не самым значительным из всего того, что создано им за большую творческую жизнь.

В настоящее время в разных архивах хранится около 60 тетрадей-дневников писателя [см., напр.: РГАЛИ. Ф. 278. 81 ед. хр. (1901–1919); ПД. Ф. 145. 59 ед. хр. (1905–1917); РНБ. Ф. 418. 9 пер. (1889–1913)], в которых он подчас весьма скрупулезно описывал те или иные события, встречи и беседы с артистами, художниками, собратьями по писательскому цеху, подкрепляя записи вклейками адресованных ему писем и открыток, рисунков, автографов, фотографий современников, пригласительных билетов, программ спектаклей, концертов и выставок, а также вырезками из газет и журналов, — в общем, всем, что касалось его собственной жизни и тех людей, с которыми сводила судьба. Но уже то, что интерес к Б. А. Лазаревскому, пусть пока косвенно, через его свидетельства о более «именитых» коллегах по перу, с каждым годом возрастает, позволяет надеяться на внимательное и благожелательное отношение специалистов и к его литературно-художественному наследию. А ведь оно, без преувеличения, огромно. Начав публиковаться в 1894 г., Б. А. Лазаревский еще до 1917 г. успел выпустить 7-томное собрание своих

сочинений и 9 книг рассказов. Его произведения печатались в «Журнале для всех», «Ниве», «Русском богатстве» и других литературных изданиях дореволюционной России. После 1920 г. он опубликовал еще 5 томов сочинений, сотрудничал во многих эмигрантских газетах и журналах. Высокую оценку отдельных его произведений, написанных в эмиграции, дал И. А. Бунин, причем, по предположению некоторых исследователей, бунинский рассказ «В Париже» навеян биографическими фактами эмигрантской жизни Б. А. Лазаревского, обстоятельствами смерти писателя [Михайлова 2006: 123].

Однако, каковы бы ни были оценки творчества писателя в будущем, когда его произведения вернутся к российскому читателю, одной, и, скорее всего, самой важной, не избежать наверняка: «лирик чеховской школы». Применение этой формулы объясняется и биографическими фактами, и самим характером творчества писателя. В ней (формуле) заложены и вполне конкретное место Лазаревского в писательской «табели о рангах» (иногда такой подход применяется к литературному процессу, стоит вспомнить понятия «золотой век», «серебряный век» или ставшее расхожим деление художников слова на писателей «первого ряда» и писателей «второго ряда»), и литературная традиция, определяемая не просто именем А. П. Чехова, а именно его школой, поскольку творческие отношения, личные и эпистолярные контакты Чехова и Лазаревского (соответственно писателя «золотого века» и писателя «серебряного века») иначе как настоящей литературной школой назвать нельзя.

Поводом к знакомству (сначала заочному, а потом и очному) известного на всю Россию писателя-драматурга и молодого, но весьма успешного юриста (недавно окончившего Киевский университет), склонного к

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.

сочинительству, стал рассказ Б. А. Лазаревского, напечатанный в одном из номеров газеты «Крымский курьер» за 1899 г. Рассказ о беглом матросе попался на глаза А. П. Чехову, проживавшему тогда в Ялте, понравился ему, и он написал его автору теплое письмо. С детства Борис Лазаревский зачитывался его произведениями и мечтал с ним познакомиться. Поэтому полученное письмо было истолковано не только как доброжелательная оценка рассказа, но и как дружеский жест, приглашение к знакомству.

Вскоре судьбоносная встреча состоялась. Воспоминаниями о ней пронизан очерк Б. А. Лазаревского «А. П. Чехов», написанный для журнала «Русская мысль» в 1906 г. в память о великом писателе. В нем он рассказывает, как в сентябре 1899 г. в севастопольской газете «Крымский вестник» была напечатана ругательная рецензия на только что изданный им сборник «Забывшие люди», автор решил спросить мнения Чехова, послав ему с письмом эту книгу, а через несколько дней отправился к нему сам. Он ждал сухого приема и наставительного тона «большого» писателя, очень волновался. Но Антон Павлович успокоил гостя: «Мало ли какой чепухи о нас не пишут!» [Лазаревский 1986: 567]. Эта фраза вдохновила начинающего писателя.

А. П. Чехов регулярно читал литературную продукцию Бориса Лазаревского, давал ему советы, наставления. В нем он, возможно, видел интересный тип человека: писатель и прокурор в одном лице. Лазаревский же очень дорожил всегда объективным мнением своего учителя и считал, что искренность писателя-художника и его талант — это почти одно и то же: «У Чехова не было „богов“ в литературном мире. Анализируя всякую человеческую личность, он всегда делал спокойный, замечательно правдивый вывод... Я уверен, — размышлял далее Лазаревский, — что если бы, например, и Л. Н. Толстой сделал худой поступок, то Чехов бы сказал: „Да, это дурно“. И если бы последний негодяй сделал хорошее, то Чехов сказал бы: „Да, он поступил хорошо...» [Лазаревский 1986: 574].

В силу своих профессиональных навыков прокурора и следователя, Б. А. Лазаревский обладал острой наблюдательностью, которая и в творчестве порой одерживала верх над фантазией. И как раз благодаря манере детально записывать все встречи с А. П. Чеховым, в его дневниках и очерках

запечатлен поистине живой образ писателя: мелкие морщины вокруг «серьезных и добрых глаз», «щурился и казалось иногда, что он относится безучастно к его словам», «на высоком лбу его кожа чуть двигалась, а над носом ложились две глубокие вертикальных морщины», говорил «глухим баском», когда волновался, то «ноздри его чуть расширились» [Лазаревский 1986: 572–580]. За пять лет знакомства Б. Лазаревский выделил основные качества Чехова: исключительную наблюдательность и терпение, жалость ко всему страдающему, подчеркивал, что спорил очень мягко, к сознательному злу относился с брезгливостью, на умственное убожество никогда не сердился, ценил людей по силе их любви к ближнему: «Сам необыкновенно одаренный, Антон Павлович чутко реагировал не только на настоящее, но и на будущее русского общества. Он понимал, что подходит время, когда у людей не хватит больше сил жить так, как они жили до сих пор...» [Лазаревский 1986: 583].

После долгих бесед с Чеховым Лазаревский запечатлевал в своих записях не только все его слова, но и жесты, тон, выражение лица, т. е. все психологические нюансы личности любимого писателя, которого в полном смысле боготворил, которому даже подражал, находя самые неожиданные точки соприкосновения. В итоге у него выработалось глубоко личное, интимное восприятие личности Чехова. Казалось, что и на мир он смотрел чеховскими глазами. Может, поэтому литературное дарование Б. А. Лазаревского обычно оценивалось критиками, видевшими в нем лишь чеховского подражателя, не очень высоко. Многие видели в нем молодого современного беллетриста, хоть и недостаточно сильного и оригинального для того, чтобы быть самим собой, но уже достаточно талантливом для того, чтобы подражать хорошему оригиналу — Чехову. В автобиографии Б. А. Лазаревский говорит, что дело не в подражательстве, не в типах, мотивах, сюжетах, а в том, как это преподносится, подтверждая это воспоминаниями о первом своем рассказе: «Темой для „Последней услуги“ послужил рассказ доктора, у которого я жил на квартире. Ему пришлось свидетельствовать безнадежно больного, семейного офицера. Нужно было убедить этого офицера подать в отставку по болезни, потому что тогда пенсия была бы гораздо больше, чем после смерти на служ-

бе. Словом, нужно было дать понять человеку, что дни его сочтены. Доктору пришлось выполнить очень нелегкую задачу, после чего он сам разволновался и запил. Я ухватился за эту тему. Сделал ее скверно, не художественно, но редакции рассказ пришелся по вкусу. И, таким образом, состоялся мой дебют... Значительно позже я прочел рассказ Чехова „Учитель“, написанный на почти аналогичную тему, и тогда понял, что дело не в сюжете, а в том, как этот сюжет разработать...» [Фидлер 1906: 8].

А. П. Чехов для Бориса Лазаревского был «художником без ретуши», который воспроизводит жизнь столь же реально, как сама природа. Именно этому он учился у него, и успехи молодого писателя неизменно отмечались учителем.

Так, в письме от 28 июля 1903 г. А. П. Чехов писал Б. А. Лазаревскому:

«Дорогой Борис Александрович, „Повести и рассказы“ получил, большое Вам спасибо за книгу. Я прочел ее всю и могу теперь сказать, что Вы сделали громадный шаг вперед и что Вы молодец. Рассказы однотонные, трудно сказать, какой из них лучше, но если долго выбирать, как выбирают, например, папу (римского), то я остановился бы на „Докторе“. Книга издана хорошо. Язык местами изыскан... <...> Книгу прочел я с удовольствием. Желая Вам всего хорошего, крепко жму руку и еще раз благодарю» [Чехов 1982: 237].

Отзывы о других произведениях также вдохновляли Лазаревского: «Машинист» — «Это лучшее, что вы до сих пор написали». О рассказе «Силенка»: «Если бы я был редактором „Жизни“ я бы всегда принял этот рассказ» [Литературное наследство 1977: 326]. Чехов хвалил Лазаревского за то, что люди в его рассказах разговаривают так, как это бывает на самом деле, и советовал ему писать пьесы.

Более 15 рассказов Бориса Лазаревского посвящены Антону Павловичу Чехову. И они безоговорочно могут быть квалифицированы как «уроки» „чеховской школы“. В фондах РГАЛИ и РГБ хранится около 100 писем Лазаревского к Чехову, его пространственные дневниковые записи бесед с ним, в достоверности передачи которых нет никаких сомнений. «Жемчужина» коллекции — 14 сохранившихся ответных писем А. П. Чехова [Чехов 1982]. Уже только это позволяет говорить о Лазаревском как об ученике Чехова.

В существовании реальной «чеховской школы», как и всякой другой, легко усомниться, ведь все-таки речь идет о писательстве, которое по определению подразумевает творческую самобытность. Так, эти сомнения жирным клеймом «чеховского эпигона» «отпечатывались» критиками на многих произведениях Б. А. Лазаревского, особенно дореволюционного периода его творчества. Но кого только не объявляла критика первых двух десятилетий XX в. эпигonom Чехова, захлебываясь в противоборстве реализма, импрессионизма, символизма и других стилевых тенденций русской литературы этого периода: и Максима Горького, и Ивана Бунина, и Леонида Андреева, и Бориса Зайцева, и Илью Сургучева, и многих других, чьи имена и по сей день сопрягаются в исследовательских опусах с «чеховской школой». Сегодня, когда в литературоведении наконец-то возобладало понятие «диффузность течений» [Егорова 2004: 103—106], аутентично определяющее литературный процесс рубежа XIX—XX вв., пристрастные ярлыки критиков стираются всепобеждающим словом «традиция». Торжество этой победы должно быть спроецировано и на творчество Б. А. Лазаревского. Традиция? — Безусловно. Традиция, прошедшая через «школу» влияний и подражаний, но ни в коей мере не эпигонства. В противном случае, трудно объяснить доброе, учительское участие А. П. Чехова в писательской судьбе Бориса Лазаревского.

Источники

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ПД)
Российская национальная библиотека (РНБ)
Российская государственная библиотека (РГБ)

Литература

Егорова Л. П. и др. История русской литературы XX века: Первая половина: в 2 кн. Кн. 1: Общие вопросы / под ред. проф. Егоровой Л. П. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 318 с.
Лазаревский Б. А. А. П. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1986. С. 567—583.
Литературное наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860—1890 гг. / Институт мировой литерату-

- ры им. А. М. Горького АН СССР; Ред.: В. Г. Базанов, Д. Д. Благой, В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1977. 728 с.
- Михайлова М. В.* «Милый барбарис»: Письма И. А. Бунина и А. И. Куприна в дневниках Б. А. Лазаревского / публ., подгот. текста, предисл. // Новый мир. 2006. № 5. С. 123–140.
- Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. 268 с.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 11. Письма, июль – декабрь 1903. М.: Наука, 1982.
- Шумихин С.* Русская Прага, русская Ницца, русский Париж: Из дневника Бориса Лазаревского: (Тридцать три письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева) / предисл., публ. и коммент. // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 645–714.

УДК 82.0
ББК 83:3

ПОЭТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ РАННЕЙ ПРОЗЫ И. Д. СУРГУЧЕВА *

Ю. П. Маслова, А. А. Фокин

Творческое наследие Ильи Дмитриевича Сургучева (1881–1956) — одного из ярчайших представителей неореализма в русской литературе начала XX в. особенно активно осмысливается и анализируется с конца 1980-х гг. Вначале это были очерки о жизни и творчестве писателя, где вскользь затрагивались наиболее известные его пьесы, повесть, рассказы. В 2000-х гг. появились серьезные биографические исследования [Ильинская 2005; Фокин 2006], давшие толчок целой серии масштабных статей и публикаций [Сургучевские чтения 2006–2011], авторами которых стали ученые ведущих научных центров России и ближнего зарубежья. Отдельные исследования посвящены драматургии И. Д. Сургучева [Фокин 2008; Сергеева 2010 и др.], изобразительным средствам языка его произведений [Липатов 2011].

Обобщая изученное, заметим, что постепенно интерес ученых смещается в область поэтики самобытного автора и прежде всего его ранней прозы, а это совокупность рассказов и повестей, написанных в период с 1898 по 1920-й гг., что обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, художественные открытия И. Д. Сургучева имели большое значение

в становлении и развитии русского неореализма, проблематика и поэтика которого нуждается сегодня в системном, многоаспектном изучении, учитывающем как устоявшиеся, так и дискуссионные точки зрения на взаимодействие в русской литературе реалистических традиций и модернистских тенденций.

Во-вторых, характерной особенностью русской литературы конца XIX – начала XX в. — эпохи художественного эксперимента, поиска «корней», истоков мировоззрения, эстетики творчества — является интертекстуальность. В этот же период создается ряд литературоведческих концепций, во многом предвосхитивших теорию «чужого слова» М. М. Бахтина, транспонированную затем в теорию интертекстуальности. Возникает необходимость более глубокого обоснования роли интертекстуальности в литературно-эстетической системе конкретных писателей данного периода, среди которых многообразием стилевых поисков, своими подходами к интертекстуальности выделяется И. Д. Сургучев.

В-третьих, интертекстуальность представляется важнейшей доминантой, объединяющей составные части поэтики И. Д. Сургучева, необходимость изучения которой

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.